

## **В гостях у «москотов». Славяне из Боснии и Герцеговины в Москве в 1850–1870-е годы**

Выходцы из османских провинций Боснии и Герцеговины в России были редкими гостями. В основном они приезжали сюда для сбора средств на различные нужды православного населения региона или для получения образования.

Для жителей Боснийского пашалыка и Герцеговинского санджака, позже объединённых в Боснийский вилайет (в 1865 г.), Россия ассоциировалась именно с Москвой. Всех русских людей они именовали «москотовами»<sup>1</sup>, а введённые в Османской империи в середине XIX в. мундиры для чиновников и военных европейского покроя называли «московским платьем»<sup>2</sup>.

В данной статье на основании новых источников из российских архивов будет рассмотрен один из аспектов существовавших связей боснийцев и герцеговинцев с Москвой и москвичами. Речь в ней пойдет о представителях духовенства из Боснийского вилайета, посетивших Россию в 1850–1870-е годы, и о тех немногих уроженцах края, которые учились в Москве.

В указанный период три выходца из Боснии и Герцеговины побывали в Москве с целью сбора средств для поддержания школ, монастырей и церквей на родине.

Первым из них был иеромонах из Герцеговины Прокопий Чокорило (1802–1863). Он рано принял духовный сан, служил в Любинье (Восточная Герцеговина), а затем перебрался в Мостар. Чокорило владел греческим и русским языками. В 1858 г. на страницах московского славянофильского журнала «Русская беседа» (изд. — А.И. Кошелев) было опубликовано его сочинение «Летопись Герцеговины 1831–1857»<sup>3</sup>, перевод которого осуществил известный славист, общественный деятель, первый российский консул в Боснии А.Ф. Гильфердинг (1831–1872).

Позже этот текст вошёл в третий том его собрания сочинений<sup>4</sup>. В предисловии к этому изданию учёный писал: «Автор предлагаемой летописи дел, свершившихся в наше время, [...] есть православный монах, герцеговинец, рассказывающий то, что видел и слышал, и в чём нередко участвовал»<sup>5</sup>.

Встреча Гильфердинга с герцеговинским иеромонахом произошла в 1857 г. в Мостаре. В октябре того же года в своём донесении директору Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевскому Гильфердинг предлагал отправить в Россию для получения образования 10–12 боснийских и герцеговинских мальчиков. На роль провожатого он рекомендовал Прокопия Чокорило, служителя «мостарской церкви, отличающегося хорошей нравственностью и преданностью православию и России. Сдав детей в учебные заведения, монах мог бы, согласно его просьбе, — считал Гильфердинг, — приступить с разрешения Святейшего Синода к собиранию в России милостыни для монастырей Герцеговины»<sup>6</sup>.

В первую очередь Чокорило намеревался собрать средства для строительства православных церквей в областях, где усиливалась католическая пропаганда. В планах православной общины было строительство следующих церквей: во имя Св. Николы в Дувне, во имя Св. Димитрия в Любушском, во имя Св. Екатерины в Белом поле, во имя Успения пресвятой Богородицы в Старой Габеле, во имя Св. Петра и Павла в Борках. На постройку каждой церкви требовалось по 500 руб. серебром<sup>7</sup>. Остальные средства должны были пойти на строительство православного собора в Мостаре и церкви в Фоче. Кроме того, Чокорило составил список предметов, необходимых для благоустройства храмов и монастырей Герцеговины.

31 декабря 1857 г. Св. Синод дал разрешение на годовую поездку в Россию герцеговинского монаха<sup>8</sup>. Видимо, механизм совместной опеки над священнослужителями из турецких областей был еще не отработан, так как из Азиатского департамента в Св. Синод поступил запрос: всегда ли впредь должно испрашивать позволения у Св. Синода в подобных случаях<sup>9</sup>? Скорее всего, ответ был положительным. Это видно на примере священнослужителей, которые позже отправлялись в Россию

с подобными миссиями. Разрешение Св. Синода император утвердил лишь в мае 1858 г.<sup>10</sup>. Св. Синодом был установлен ряд правил для сбора подаваний: 1) монах должен был осуществлять сбор сам, без чьей-либо помощи; 2) все подаяния нужно было фиксировать в специальной книге учёта; 3) по окончании сбора книгу необходимо было сдать на проверку в местную консисторию, а затем в хозяйственное управление Св. Синода<sup>11</sup>.

В июне 1858 г. А.Ф. Гильфердинг писал протоиерею русской посольской церкви в Вене М.Ф. Раевскому (1811—1884): «Подвиньте также дело об отправлении из Мостара монаха Прокония Сокорила (Чокорило. — *К. М.*) с 4-мя воспитанниками, которое лежит на сараевском консульстве»<sup>12</sup>. В октябре того же года Гильфердинг направил письмо в Москву к видному общественному деятелю М.П. Погодину (1800—1875) с просьбой оказать материальную помощь и покровительство служителю мостарской церкви, который направлялся в Россию<sup>13</sup>.

В июле 1858 г. П. Чокорило прибыл в Одессу. Тут он оставил сопровождаемую им группу будущих «русских питомцев» и направился в Киев, а в начале октября добрался до Москвы<sup>14</sup>. Здесь главную заботу о госте взял на себя недавно созданный Московский славянский благотворительный комитет.

Пребывание Чокорило в Москве не обошлось без проблем. В письме историка и славянофила П.А. Бессонова к М.П. Погодину сообщается о том, что назначенный сопровождать иеромонаха некто Верещагин запил и перестал исполнять свои обязанности<sup>15</sup>. «Он не может внушать этому герцеговинцу любви и сочувствия к русскому имени», — писал о Верещагине Гильфердинг<sup>16</sup>. Последний занялся решением этой проблемы, разработал план переезда монаха в Петербург и пытался выхлопотать для него келью на Троицком подворье. Действовать приходилось очень осторожно, так как московский митрополит Филарет (1782—1867) был не очень доволен гостем из Герцеговины<sup>17</sup>. Вероятно, это было связано с тем, что накануне сбором средств для школ и церковей Боснии и Герцеговины промышлял некий авантюрист Ристич, оставивший о себе недобрую память. Однако П.А. Бессонову удалось наладить контакт с митрополитом, который в результате предоставил герцеговинцу

место для проживания в Москве. Здесь Чокорило пробыл до января 1859 г., а затем уехал в Петербург.

Согласно правилам сбора подаяний Чокорило не мог брать денег на своё путешествие из собранных средств, поэтому он постоянно нуждался в финансовой помощи. Министр иностранных дел России А.М. Горчаков лично обратился к императору Александру II с просьбой выдать герцеговинскому иеромонаху деньги на путевые расходы<sup>18</sup>. Несмотря на проблемы с организацией поездки, Чокорило был принят в России хорошо. Сама императрица Мария Александровна пожаловала архиерейские облачения для церкви Пресвятой Богородицы в Мостаре<sup>19</sup>.

После Петербурга Чокорило какое-то время находился в Москве и, наконец, в 1860 г. через Одессу возвратился в Мостар<sup>20</sup>. На родину он привёз значительную сумму — 4000 червонцев, а в Мостар ещё долго приходили посылки с собранными в России, в том числе и Москве, пожертвованиями. Подробные отчёты о сборе средств и тратах публиковались на страницах московских и петербургских газет<sup>21</sup>.

Российский консул в Мостаре А.Н. Кудрявцев в 1867 г. в своём донесении послу в Константинополе графу Н.П. Игнатьеву писал о поездке Чокорило в Россию следующее: «Никогда никто из герцеговинцев ничего подобного не видал и не слышал, чтобы простой монах мог привезти с собой более 4 тысяч червонцев. Общество и народ пожертвовали. Сильное латинство опустило голову, а покровительствующий ему австрийский и французский иезуитизм — приуныл. Никогда все католические державы совокупно не дадут столько денег, сколько дала одна православная Россия!»<sup>22</sup>.

Но далее Кудрявцев поведал печальную историю о том, как эти деньги посеяли раздор в православной среде Герцеговины и вместо пользы, по его мнению, принесли вред, очернив имя России.

Дело в том, что Чокорило решил лично распорядиться всеми собранными средствами. Он полагал, что денег ему хватит на восстановление 20 церквей в Герцеговине и строительство большого соборного храма в Мостаре<sup>23</sup>. Тем временем слухи

об оказанных Россией благодеяниях продолжали распространяться по региону. Игумены монастырей Дужи, Таслидже, Житомыслич и Кассиерово отправлялись в Мостар в надежде получить деньги для своих приходов, но остались ни с чем. Посыпались жалобы в российское консульство. Чокорило продолжал упорствовать, и обиженные игумены начали распространять слухи об обмане со стороны России. Однако план Чокорило также не увенчался успехом. На строительство храма был нанят герцеговинский архитектор Спасое Вулич. Денег хватило только на возведение стен, одна из которых треснула<sup>24</sup>.

Судя по переписке М.Ф. Раевского с Чокорило, герцеговинец собирался совершить ещё одно путешествие в Россию<sup>25</sup>. Однако этим планам не суждено было осуществиться — 18 июля 1863 г. Прокопий Чокорило скончался<sup>26</sup>.

Мысль о возможности получить большие денежные средства от российского правительства привлекла игумена монастыря Житомыслич Серафима Перовича (1827–1903).

Серафим Перович родился в селе Горица неподалёку от Требинья (в Восточной Герцеговине). В 1848 г. он принял монашеский постриг в монастыре Дужи, где провел свое детство. Позже он стал иеромонахом. В 1853 г. Перович отправился в Белград, где в 1857 г. окончил курс обучения в белградской семинарии, а затем вернулся в Герцеговину. Некоторое время он работал в мостарской школе, а затем стал игуменом монастыря Житомыслич. При монастыре действовало духовное училище, которое он возглавлял. Российский консул в Мостаре В.В. Безобразов был в очень хороших отношениях с С. Перовичем. Положительно отзывались о нем и другие российские дипломаты — А.Ф. Гильфердинг<sup>27</sup> и Е.П. Шулепников<sup>28</sup>. В августе 1863 г.<sup>29</sup> С. Перович обратился в российское консульство в Мостаре с просьбой об организации его поездки в Россию с целью сбора средств для открытия семинарии при монастыре Житомыслич. В связи с этим В.В. Безобразов направил ходатайство в Св. Синод, и зимой 1864 г. разрешение было получено<sup>30</sup>.

О поездке Серафима Перовича в Россию известно немного. Из опубликованных документов следует, что он пробыл на русской земле примерно два года, выучил русский язык, по-

лучил в подарок от Александра II золотой наперсный крест. В мае 1865 г. Перович находился в Москве<sup>31</sup>. Как и в случае с Чокорило, помощь гостю из Герцеговины оказывал Московский славянский комитет. В декабре 1865 г. Св. Синод передал С. Перовичу богослужебные книги для герцеговинских монастырей на сумму 236 руб.<sup>32</sup>

В феврале 1866 г. Перович вернулся в Герцеговину<sup>33</sup>. В пограничном городе Метковиче его вышли встречать толпы христиан и мусульман.

Прибыв в Житомыслич, о. Серафим прочёл проповедь при большом скоплении народа, где заявил, что Александр II лично обещал герцеговинскому народу помощь в его борьбе с турецким владычеством. Эти же слова архимандрит повторил сербскому князю Михаилу Обреновичу во время его путешествия по Боснии. Действия Перовича способствовали возникновению волнений в окрестностях Мостара.

По возвращении на родину С. Перович энергично принялся за устройство семинарии. Чтобы оградить себя от разбирательств по вопросу о распоряжении собранными в России средствами, он взял письменное обязательство с мостарской православной общины о ее невмешательстве в дело открытия своего учебного заведения<sup>34</sup>.

В сентябре 1867 г. в Мостар прибыл российский консул А.Н. Кудрявцев. Он не разделял восторгов своих предшественников относительно личности С. Перовича. В своём донесении к графу Н.П. Игнатьеву Кудрявцев крайне негативно отозвался об о. Серафиме и его деятельности: «Одарённый природным умом и красноречивым словом, хитрый, честолюбивый и лукавый, он получил очень порядочное образование в Белграде. Прибыв на свою родину, он вскоре сумел сделаться игуменом монастыря Житомысличи\*. Под личиной патриота и великого ревнителя православия и народа, он возмечтал сделаться митрополитом Герцеговины, великим и вместе зажиточным человеком и захотел пристроить и всю свою родню. Войдя в тесную связь с бывшим русским консулом (В.В. Безобразо-

---

\* Имеется в виду герцеговинский монастырь Житомыслич. В XIX в. российские дипломаты и путешественники зачастую именовали его «Житомысличи».

вым. — *К. М.*) и приобретаю лестию и умением говорить полное и неограниченное его доверие, он воспользовался симпатией и влечением его к несчастным единоверцам нашим...»<sup>35</sup>.

Из донесения Кудрявцева в МИД мы узнаём о том, каким образом архимандрит распорядился собранными в России средствами. Сербские газеты пестрели радостными сообщениями о новой семинарии, открытой при монастыре Житомыслич, но «расцвет» этого учебного заведения был только на бумаге. На самом деле С. Перович за 1000 червонцев купил дом и сдал его в аренду российскому консульству. Остальные деньги он раздал под проценты местным торговцам, а привезенные из России книги выставил на продажу<sup>36</sup>. Новая семинария оказалась чистой воды профанацией. Никаких изменений в монастыре Житомыслич не произошло. «Прежняя для малых детей земледельцев школа осталась так, как была. По-прежнему окна без стекол, закупоренные пуками сена, прежнее малое помещение, прежнее число скамеек. Что было нового — это молодой наставник, воспитывавшийся в Белграде, но едва знающий первоначальное и необходимое для передачи детям и не имеющий никакого понятия ни о риторике, ни о философии и ещё менее о богословии. Может ли быть при богословской семинарии только один профессор и тот, получающий по три червонца в месяц жалованья? Могут ли учиться богословию десяти- и двенадцатилетние мальчики, знающие едва читать по складам и выучивающие на память без всякого понимания то, что им укажут в книге? Скажу. В Житомысличах никакой богословской семинарии не было открыто», — сообщал Кудрявцев<sup>37</sup>.

Помимо этого в семействе Перовичей случился скандал, невольным участником которого стало российское консульство. В 1866 г. С. Перович вернулся из России на родину не один. В Москве он познакомился с девушкой Марией Йогансон и заочно просватал её за своего брата Йована. Тот некогда учился в Киевской духовной академии, а вернувшись в Мостар, учительствовал в местной школе. О. Серафим сулил Марии место директрисы мостарской женской школы с жалованием в 480 руб. в течение шести лет<sup>38</sup>. По его словам, её будущий

муж Йован был одним из самых интеллигентных и уважаемых людей в Герцеговине и имел доход в 400 руб.

В 1866 г. Мария действительно приступила к работе в мостарской школе для девочек. По сообщению тогдашнего российского консула Н.А. Илларионова, она «своим знанием дела и умением за него взяться заслужила в короткое время пребывания своего в Мостаре любовь здешней православной общины»<sup>39</sup>. Школу посещало около 30 учениц. Единственной проблемой было то, что Мария Перович практически не владела сербским языком. И тем не менее она возглавляла это учебное заведение до 1868 г.<sup>40</sup>

Идиллия, однако, продолжалась недолго. Уже в 1867 г. разгорелся скандал. Практически всё из обещанного когда-то Марии оказалось ложью, но она не имела возможности вернуться на родину. Кроме того, братья Перовичи запретили ей поддерживать контакты с российским консульством. А.Н. Кудрявцева они обвинили во вмешательстве во внутренние дела их семьи и развернули против него кампанию. В сербских газетах публиковались статьи, критикующие российского консула<sup>41</sup>.

«Семинария» в Житомысличе превратилась в центр для подготовки повстанческих чет, что повлекло за собой заключение братьев Перовичей в тюрьму (1870 г.) с последующей ссылкой<sup>42</sup>, где они провели пять лет. В 1876 г. Перовичи были освобождены усилиями иностранных консулов. Позже, в 1889–1903 гг., о. Серафим был герцеговинским митрополитом. Как сложилась судьба обманутой Марии, неизвестно.

Бывал в России и ещё один будущий митрополит, на этот раз дабробосанский, — сараевский архимандрит Савва Косанович (1839–1903). Целью его поездки был сбор средств для открытия гимназии, на нужды православных школ и покрытие долгов сараевской общины в связи с возведением храма.

Своё путешествие он совершил в 1872–1874 гг. и за это время дважды побывал в Москве. Первый раз, в феврале 1873 г., он остановился в Сретенском монастыре. Помощником о. Саввы в Москве был назначен иеродиакон будущего Сербского подворья о. Феофил<sup>43</sup>. В Москве Косановичу понравилось. Большое содействие ему оказал секретарь Московского



славянского комитета, историк Нил Александрович Попов (1833—1891). О. Савва познакомился также с видными представителями московской интеллектуальной элиты, активными деятелями Московского славянского комитета — И.С. Аксаковым, М.П. Погодиным, П.Н. Батюшковым, В.А. Черкасским, а также с ректором двух московских семинарий преосвященным Леонидом (в миру Л.В. Краснопевковым)<sup>44</sup>. Из Москвы архимандрит отправился в путешествие по России<sup>45</sup>.

Осенью 1873 г. Косанович вернулся в Москву. Здесь его ждали неприятности: у архимандрита случился конфликт с настоятелем Сретенского монастыря о. Виктором. Дело в том, что в конце октября Косанович отправил московскому митрополиту жалобу на настоятеля, сообщая об интригах, которые тот плетёт против своих иеромонахов<sup>46</sup>. Спустя некоторое время Н.А. Попов получил от сараевского архимандрита письмо (на русском языке. — *К. М.*), в котором тот рассказывал о неприятностях, учинённых ему местной братией. О. Савве был нанесён ряд оскорблений, в результате чего на следующий день он покинул монастырь и поселился в гостинице. «Милостивый государь! Неужели для этого меня народ послал в Россию, чтоб братья меня притесняли и оскорбляли и действиями своими вызывали к иступлению? Не знаю, что имеет архимандрит Виктор против меня и почему такие незаконные действия в вверенном ему монастыре он допускает? Неужели, таким образом, делается гостеприимство полномочному одному народа, которому так сильно симпатизирует Россия [...]. Что скажут сербы на родине, когда узнают о подобных действиях, и какое будут иметь мнение о русском монашестве! Милостивый государь! Конечно, что отец Виктор, после выселения моего из монастыря, постарается всеми силами очернить меня [...], но я уверен как в справедливости, так и в том, что Славянский комитет не только что не поверит этим клеветам, но сделает надлежащие шаги у предположенных лиц духовной власти, чтоб отцу архимандриту Виктору сделано было внушение, которым бы в будущее не только я, но и каждый из моих сородичей избавлен был от подобных неприятностей!» — так Косанович описывал Н.А. Попову приключившуюся с ним историю<sup>47</sup>.

После этого архимандрит тяжело заболел. В письмах о. Савва часто намекал Попову на то, что хорошо было бы ему получить русский паспорт и протекцию — в этом случае он бы мог спокойно вернуться домой и стать постоянным корреспондентом Славянского комитета<sup>48</sup>.

В марте 1874 г. Косанович отправился в Сараево. Он ещё мог оставаться некоторое время в России, но его преследовали болезни. Азиатский департамент и Св. Синод предлагали назначить другую кандидатуру для сбора пожертвований, но, по свидетельству архимандрита, оказалось, что вещей и денежных средств, привезенных им, было достаточно<sup>49</sup>. Вскоре в адрес Н.А. Попова, Славянского комитета, Св. Синода и российского МИД были отправлены многочисленные благодарности от представителей сараевской православной общины<sup>50</sup>.

По сообщению российского консула в Сараево А.Н. Кудрявцева, в России архимандриту удалось собрать около 4500 руб. и 10 ящиков с одеждой, утварью и книгами<sup>51</sup>. По другим данным, сумма собранных средств превышала 9000 руб. (в частности, было получено 3000 руб. от неизвестного благодетеля)<sup>52</sup>.

Помимо благоустройства храма, на собранные в России средства было куплено два дома рядом с собором, в одном из которых разместилось женское училище<sup>53</sup>.

После 1874 г. Косанович в Россию больше не приезжал, но долгое время оставался корреспондентом Славянского комитета и вел многолетнюю переписку с русскими общественными деятелями и учеными.

Соборная церковь Рождества Пресвятой Богородицы, строительство которой завершилось благодаря собранным в России средствам, до Первой мировой войны являлась резервацией дабробосанских митрополитов. Она и по сей день украшает Сараево.

\* \* \*

Выходцы из Боснии и Герцеговины, так же, как и другие южные славяне, получали образование в России, но их было немного. Молодые босняки и герцеговинцы направлялись в Одессу и Киев, на третьем месте был Петербург, а потом уже

Москва. Известно, что в 1860–1870-е годы в Московском университете проходили курс обучения: Иван Дреч, Георгий Филиппович<sup>54</sup>, Иван Лепава<sup>55</sup> и Ваца Пелагич. Ещё был некий Ристо Миленков, который слушал лекции, но о нём, к сожалению, не удалось найти никаких сведений.

В 1858 г., по окончании своей службы в Боснии, А.Ф. Гильфердинг возвращался домой через Мостар. Оттуда он привёз в Россию уроженца Герцеговины — Ивана (Йована) Фёдоровича Дреча, которому в то время было около десяти лет.

Иван Дреч стал воспитанником Гильфердинга. В 1858 г. он обучался в частной школе и готовился к третьему классу гимназии<sup>56</sup>. Интересно, что из Петербурга в Мостар не поступало никаких сведений о судьбе Дреча. В 1862 г. Чокорило в письме просил М.Ф. Раевского разузнать что-нибудь о подопечном Гильфердинга. Из-за долгого молчания семья мальчика решила, что он погиб в России<sup>57</sup>.

В 1864 г. Иван Дреч окончил 3-ю Санкт-Петербургскую гимназию. Он успешно сдал экзамены и был зачислен в ряды студентов Санкт-Петербургской медико-хирургической академии<sup>58</sup>, получив стипендию от российского правительства. На второй курс его перевели без экзаменов. Однако на этом его успехи в учёбе закончились. В 1866 г. его ещё раз оставили на втором курсе академии, а в 1867 г. и вовсе отчислили «за неуспехи в науках»<sup>59</sup>. Герцеговинцу выдали аттестат; согласно характеристике студент «поведения был очень хорошего»<sup>60</sup>.

Причины потери интереса к учёбе были связаны с тем, что И. Дреч увлёкся политической деятельностью. В апреле 1866 г. он вместе с воспитанником Михайловской артиллерийской академии Савой Груичем<sup>61</sup>, слушателем Николаевской академии Генерального штаба поручиком Дмитрием Джуричем<sup>62</sup> и вольнослушателем юридического факультета Санкт-Петербургского университета Дмитрием Дучичем организовал в Петербурге «Сербскую общину»<sup>63</sup>. Немного позже к ним присоединился и известный впоследствии сербский революционер, социалист Светозар Маркович (1846–1875). В состав организации также вошли герцеговинцы Иван Лепава и Георгий Филиппович. Деятели «Общины» ставили перед собой две главные

задачи: 1) работа над сближением России и Сербии; 2) оказание материальной помощи нуждающимся сербам в России. Секретарём общины стал Иван Дреч<sup>64</sup>.

В августе 1866 г. в Нови-Саде была создана культурно-просветительская и общественно-политическая организация «Объединенная сербская молодежь» (далее — Омладина). «Сербская община» Петербурга начала с ней активное сотрудничество. В 1868 г. «Сербская община» была переименована в «Югославянскую».

В августе 1868 г. Дреч был зачислен на первый курс разряда естественных наук физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета<sup>65</sup>.

К этому моменту молодой человек уже покинул дом Гильфердинга и проживал в ночлежном приюте при кухмистерской «Сербия» на Невском проспекте, где и располагался штаб «Югославянской общины». Посильную помощь ему оказывал обучающийся в России сербский общественный деятель, демократ, публицист Живоин Жуёвич (1838—1870)<sup>66</sup>.

В 1869 г. руководство «Общины» покинуло Петербург: Светозар Маркович отправился в Цюрих, Сава Груич — в Белград, а Иван Дреч зимой 1869 г. переехал в Москву. Он намеревался продолжить обучение на медицинском факультете Московского университета. Объясняя причины своего переезда, Дреч сообщал в своём прошении на имя ректора Московского университета С.И. Баршева (1863—1870 гг.): «Жизнь в Петербурге студентом тамошнего университета далеко не посильна моим скудным средствам, которые я там извлекал непостоянными частными заработками. В настоящее время с истечением первого академического полугодия мне представилась возможность к менее трудной в отношении материальном студенческой жизни в Москве»<sup>67</sup>.

По правилам Московского университета перевод студентов из других высших учебных заведений был возможен только до октября текущего года. Дреч добавлял в своём письме к ректору: «Такое обстоятельство ставит меня в крайне трудное положение: не числясь студентом в течение наступающего второго академического полугодия, я не буду иметь права держать

в конце сего академического года университетский экзамен 1-го курса, на котором я числился бы, и потерю целый год. [...] Ввиду той настоятельной потребности, какую моё отечество — Герцеговина ощущает в своих родичах с медицинским образованием, и мной чувствуемой способности к этой отрасли наук, мне желательно посвятить себя в здешнем университете занятиям по медицинскому факультету»<sup>68</sup>. Прошение герцеговинца было удовлетворено — он получил официальное разрешение о переходе на первый курс медицинского факультета Московского университета.

Поскольку Дреч больше не являлся государственным стипендиатом, он оказался в тяжелом материальном положении. Попытка обращения за помощью в Санкт-Петербургское отделение Славянского комитета, где в это время председательствовал А.Ф. Гильфердинг, не увенчалась успехом<sup>69</sup>.

Для того, чтобы обеспечить проживание Дреча в Москве, был организован сбор средств через белградскую газету «Сербия»<sup>70</sup>. В результате его обучение оплачивали сербские благотворители. Во время учебы Иван продолжал поддерживать контакты со Светозаром Марковичем, занимался пропагандой социалистических идей, поэтому не удивительно, что над ним был установлен полицейский надзор<sup>71</sup>.

В 1872 г. Дреч и два его товарища, И. Лепавица<sup>72</sup> и Г. Филиппович<sup>73</sup>, получили приглашение от Белградского, Крагуевацкого, Новисадского и Цетинского комитетов Омладины вернуться на родину с уверенением в том, что дело национального освобождения сербов подготовлено и в скором времени будет начато. Зимой 1872 г. Дреч подал прошение об отчислении его с третьего курса Московского университета, сообщив при этом о своём желании отправиться в Герцеговину и получить там место народного учителя<sup>74</sup>.

В марте 1872 г. И. Лепавице, Г. Филипповичу и И. Дречу от российского правительства было выдано по 50 руб. на путевые расходы<sup>75</sup>. Судя по всему, они ехали через Вену, где встречались с М.Ф. Раевским. «Письмо это передаст Вам мой экс-воспитанник Иван Дреч, возвращающийся учительствовать на родину в Герцеговину. Не откажите ему в добром совете и, в случае

нужды, в милостивой поддержке Вашей», — писал Гильфердинг Раевскому<sup>76</sup>.

Сербский митрополит Михаил (1826–1898) сетовал по поводу приезда Дреча в письме к секретарю Московского славянского комитета Н.А. Попову: «Жаль, что и этот молодой человек, получив прекрасное направление, губит себя и портит свои отношения. Его как-то испортила какая-то пропаганда, внушив ему вражеские мысли недоверия к России. Глупость, которая только вредит частным лицам и общему славянскому делу! Нельзя ли как-нибудь побережь этих молодых людей от зловредной заразы, по крайней мере, в России»<sup>77</sup>. Хорошо знавший воспитанника Гильфердинга российский дипломат А.С. Ионин писал о нём в своём донесении в Петербург: «Неисправимый нигилист, но умный и с характером. Я его долго убеждал не ездить, но он всё-таки поехал, бросив учение на медицинском факультете и погубив своё будущее»<sup>78</sup>. Ионин считал, что Дреч превратился в «слепое орудие Омладины»<sup>79</sup>.

11 мая 1872 г. Дреч и Лепава прибыли в Мостар<sup>80</sup>. Вскоре они получили места учителей в той самой школе, где когда-то сами учились. Дреч начал разработку проекта открытия в Мостаре училища, самостоятельно составил программу обучения, которая была одобрена турецким правительством<sup>81</sup>.

Однако в Мостаре молодых учителей ожидало много неприятностей. В феврале 1873 г. герцеговинский митрополит Прокопий (1863–1875 гг.) донёс на Лепаву, Дреча и присоединившегося к ним Пичету турецкому правительству, обвинив первых двух в шпионаже в пользу России, а последнего — в пользу Сербии<sup>82</sup>. Но благодаря действиям российских дипломатов эти обвинения с молодых учителей были сняты.

Иван Дреч уверил российского вице-консула Якова Петровича Славолубова в своём желании отправиться в Константинополь для дальнейшего обучения медицине, после чего планировал вернуться в Мостар в качестве врача<sup>83</sup>. Скорее всего, в Константинополь он так и не съездил, но уже в мае 1873 г. оставил школу и открыл в Мостаре аптеку<sup>84</sup>.

До августа 1876 г. Дреч принимал участие в герцеговинском восстании<sup>85</sup>; затем перешёл на работу в Российское общество

попечения о раненых и больных воинах (позже — Российское общество Красного Креста)<sup>86</sup>; с октября 1876 г. он заведовал госпиталем в черногорском Даниловграде<sup>87</sup>. Последнее, что известно об И. Дрече, это то, что он обосновался в Цетинье и открыл там аптеку. В конце 1880-х годов, во время своего путешествия по Черногории, российский государственный деятель, писатель Дмитрий Петрович Голицын (Муравлин) (1860—1928) встретился с Иваном Дречем и охарактеризовал его следующим образом: «Владелец аптеки и один из авторитетнейших жителей города, родом из Герцеговины, верно предан России и отлично знает русский язык»<sup>88</sup>.

Уроженцем Боснии, учившимся в России, был Васа (Василий) Пелагич (1838—1899). Его деятельность и контакты с русскими деятелями хорошо изучены отечественными историками<sup>89</sup>.

Васа Пелагич родился в 1838 г. в боснийском селе Жабар, в Посавинье. Учился в гимназии и семинарии в Белграде. Вернувшись в Боснию, развернул бурную деятельность на педагогическом поприще: работал учителем в школе в Брчко, открыл там читальню. В 1863 г. Пелагич бежал от преследования турецких властей в Белград. Сербский митрополит Михаил порекомендовал молодого талантливому преподавателю М.Ф. Раевскому. Пелагич направился в Вену, а оттуда — в Москву, где пробыл до лета 1865 г.<sup>90</sup> Благодаря И.С. Аксакову он получал стипендию в 30 руб. ежемесячно от Московского славянского комитета<sup>91</sup>. В качестве вольнослушателя историко-филологического факультета посещал Московский университет<sup>92</sup>. Российская исследовательница жизни и деятельности В. Пелагича Д.Ф. Поплыко, посвятившая этому деятелю целый ряд работ, пишет о том, что Пелагич намеревался прослушать следующие курсы: история всеобщей литературы у Ф.И. Буслаева, славянские наречия у О.М. Бодянского, всеобщая история у С.В. Ежевского, политэкономия у И.К. Бабста, логика и психология у П.Д. Юркевича. Ему было позволено посещать любые занятия по желанию. Доподлинно известно, что он изучал политэкономия, историю и медицину<sup>93</sup>.

В Москве Пелагич сблизился со славянофильскими кругами. Он публиковал небольшие статьи в московских газетах «День», «Современная летопись» и «Московские ведомости»<sup>94</sup>.

В 1866 г. В. Пелагич вернулся на родину. Поработав некоторое время учителем, он решил основать семинарию в Бая-Луке. Она была открыта 1 октября 1866 г. Изначально учебное заведение посещало 40 человек. В 1868 г. Пелагич отказался от выгодной женитьбы, постригся в монахи, был посвящён дабробосанским митрополитом Дионисием (1868—1871 гг.) в иеромонахи, а затем произведён в архимандриты<sup>95</sup>.

В 1868 г. Пелагич был принят в Московский славянский комитет в качестве агента<sup>96</sup>. Он неоднократно просил российское правительство, Славянский комитет и М.Ф. Раевского оказать финансовую помощь семинарии в Бая-Луке. Из России обещали поддержку. Однако, по признанию В. Пелагича в письме к консулу в Сараеве Кудрявцеву, к 1869 г. на семинарию из России не поступило ни одной копейки<sup>97</sup>.

Первые три года его проект реализовывался за счёт местных купцов и жертвователей. Затем, благодаря содействию сербского митрополита Михаила, семинария начала получать ежегодную финансовую помощь от сербского правительства в размере, эквивалентном примерно 2000 русских руб., что являлось весьма существенным пожертвованием<sup>98</sup>.

Выбор именно г. Бая-Лука в качестве центра подготовки сербского духовенства был не случаен. Пелагич считал, что православное учебное заведение должно стать главным очагом сопротивления римско-католической пропаганде, ведь именно в это время на венгерские деньги трапписты\* вели здесь активное строительство монастыря, училища и больницы<sup>99</sup>.

В Бая-Луке преобладало христианское население. Однако город граничил с наиболее густо заселёнными мусульманами областями Боснии. По мнению многих российских дипломатов, устройство семинарии в этой местности было слишком рискованным мероприятием, а самого Пелагича они не видели в качестве руководителя этого учебного заведения<sup>100</sup>. Затея Пелагича вызывала сомнения и у многих жителей Боснии и Герцеговины, о чём Савва Косанович сообщал Н.А. Попову<sup>101</sup>. До 1868 г. в Бая-Луке не было организаций по подготовке вос-

\* Трапписты — члены католического монашеского ордена, основанного в 1664 г.



стания, и семинария стала главным агитационным центром. Самого Пелагича многие называли «разбойником».

В процессе устройства семинарии российские дипломаты и общественные деятели активно обсуждали вопрос о целесообразности поддержки данного учебного заведения. Необходимость его открытия не ставилась под сомнение, но избранное Пелагичем место оценивалось как провокация. В конечном итоге их опасения подтвердились — семинария подверглась преследованию турецких властей. Весть о ее закрытии турками Кудрявцев, правда, воспринял спокойно, считая это временной мерой<sup>102</sup>. Позже, однако, стало ясно, что турецкое правительство настроено решительно. Пелагич попал в тюрьму. Сербский митрополит Михаил активно его поддерживал; он писал, что трудно найти другого такого деятеля в Боснии<sup>103</sup>. Суд состоялся в Константинополе. Пелагича отправили в ссылку в городок Кютяй; срок его заключения, по совокупности «преступлений», составлял 101 год.

Тогда именно Россия встала на защиту Пелагича. Ещё по дороге к месту ссылки (в 1870 г.) российский посол в Константинополе Н.П. Игнатьев передал ему денежное пособие и способствовал установлению его контактов с земляками<sup>104</sup>. В 1871 г. стараниями Н.П. Игнатьева Пелагича удалось освободить из ссылки. Он получил русский паспорт, и на пароходе «Тамань» был вывезен в Одессу, а оттуда перебрался в Белград. Впоследствии Пелагич принимал активное участие в работе сербской Омладины.

Во время восстания 1875—1878 гг. в Боснии и Герцеговине Пелагич стал одним из его руководителей. После оккупации Боснии он перебрался в Сербию. За пропаганду социалистических идей в 1896 г. Пелагич был арестован и умер в тюрьме в г. Пожаревац в 1899 г.

\* \* \*

Москва с её богатым купечеством и щедрыми благотворителями всегда привлекала сборщиков из славянских земель. Здесь им, как правило, удавалось получить значительное количество как финансовых средств, так и другой помощи. Актив-

ные деятели Московского славянского комитета — Н.А. Попов, И.С. Аксаков, П.А. Бессонов, М.П. Погодин и другие занимались вопросами организации пребывания герцеговинцев в Москве. К сожалению, их представители П. Чокорило и С. Перович не сумели достойным образом распорядиться собранными средствами. Пребывание же С. Косановича в России в 1872–1874 гг. было организовано значительно лучше и имело результатом возведение в Сараеве православного храма.

Обучение боснийских и герцеговинских славян в Москве было скорее исключением. Получая образование в Московском университете в 1860–1870-е годы, молодые люди были связаны с различными революционными организациями, состояли в сербской Омладине. Ни один из них так и не окончил курса.

Не часто Москва принимала у себя выходцев из Боснии и Герцеговины, но щедро их одаривала. Одни привозили на родину средства, на которые были возведены два величественных православных храма, другие — революционные идеи, подтачивавшие их на борьбу с османским владычеством.

## Примечания

<sup>1</sup> Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. СПб., 1873. С. 5.

<sup>2</sup> Там же. С. 56.

<sup>3</sup> Прокопий (Чокорило), иером. Летопись Герцеговины. 1831–1857 // Русская беседа. 1858. Кн. 2. Ч. 2. Смесь. С. 93–121.

<sup>4</sup> Чокорило П. Летопись Герцеговины 1831–1857 // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. СПб., 1873. С. 499–525.

<sup>5</sup> Там же. С. 501.

<sup>6</sup> Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. М., 1985. С. 83.

<sup>7</sup> Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2938. Л. 1 об.

<sup>8</sup> Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 797. Оп. 27. Отд. II. Стол 2. Д. 410. Л. 3.

<sup>9</sup> Там же. Л. 5.

<sup>10</sup> Там же. Л. 10.

<sup>11</sup> Там же. Л. 12, 62.

<sup>12</sup> Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М., 1975. С. 125.

<sup>13</sup> Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 231/II. Картон 8. Ед. хр. 3. Л. 1.

- 14 РГИА. Ф. 797. Оп. 27. Отд. II. Стол 2. Д. 410. Л. 15, 22.
- 15 ОР РГБ. Ф. 231/II. Картон 13. Ед. хр. 28. Л. 31–32.
- 16 Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее — ОПИ ГИМ). Ф. 56. Оп. 1. Ед. хр. 480. Л. 59.
- 17 ОР РГБ. Ф. 231/II. Картон 13. Ед. хр. 28. Л. 30–31.
- 18 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 161. Главный архив. 1859. Всеподданнейшие доклады. Д. 35. Л. 1–1 об. Копии материалов из АВПРИ были получены автором статьи в архиве Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН.
- 19 РГАДА. Ф. 1274. Ч. 2. Ед. хр. 2420. Л. 1.
- 20 Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 61–61 об.
- 21 РГИА. Ф. 797. Оп. 27. Отд. II. Стол 2. Д. 410. Л. 74.
- 22 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2053. Л. 73 об.–74.
- 23 Земельный участок для постройки церкви был приобретен еще в 1836 г. См.: АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2048. Л. 19–20.
- 24 Строительство храма было завершено в 1873 г. архитектором Андреем Дамьяновым.
- 25 ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 53.
- 26 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3659. Л. 21.
- 27 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 207–208.
- 28 Там же. С. 222–223.
- 29 Там же. С. 436–437.
- 30 Там же. С. 437.
- 31 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы. М., 1988. С. 17.
- 32 Там же. С. 36–37.
- 33 Там же. С. 48.
- 34 Там же. С. 48–49.
- 35 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2053. Л. 75 об.–79.
- 36 Там же. Л. 77 об.
- 37 Там же. Л. 77.
- 38 Там же. Л. 76.
- 39 Освободительная борьба народов Боснии, Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 69.
- 40 *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима (1856–1878). Сарајево, 1988. С. 534.
- 41 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2053. Л. 78–78 об.
- 42 Там же. Л. 76 об.–78.
- 43 *Данченко С.И.* Материалы архива Н.Н. Дурново по истории российско-сербских связей в XIX в. Публикация // *Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С.А. Никитина: Сборник статей.* М., 2013. С. 770.
- 44 Там же. С. 767–768.
- 45 Косанович осуществил две большие поездки по России, в ходе которых посетил Москву, Санкт-Петербург, Рязань, Моршанск, Козлов (совр. Мичуринск), Тамбов, Саратов, Хвалынский, Казань, Вятку, Нижний Новгород, Елец и Орёл. // См.: ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 11, 12.

<sup>46</sup> ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 12. Л. 31.

<sup>47</sup> Там же. Л. 43–44.

<sup>48</sup> Там же. Л. 42.

<sup>49</sup> ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 13. Л. 11 об.

<sup>50</sup> См.: ГА РФ. Ф. 1750; ОР РГБ. Ф. 239; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб.). Ф. 400.

<sup>51</sup> Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 363.

<sup>52</sup> Данченко С.И. Указ. соч. С. 770.

<sup>53</sup> ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 8. Л. 69–70.

<sup>54</sup> Георгий (Джордже) Филиппович — родом из Герцеговины (по другим данным — из Черногории), учился в Санкт-Петербургской духовной академии; в 1869 г. получил стипендию от российского правительства для обучения на медицинском факультете Московского университета. В 1872 г. вернулся в Сараево. Позже переехал в Мостар, где работал учителем в школе до начала герцеговинского восстания 1875 г. Принимал в нем активное участие, был правой рукой М. Любича. В августе 1876 г. вернулся в Москву и поступил на третий курс медицинского факультета Московского университета. Подробнее см.: Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 156, 282, 342–343, 391, 396–397; Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы. М., 2008. С. 321–322; *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 511–518.

<sup>55</sup> Иван Лепава (1850–1916) — родился в Восточной Герцеговине, в селе Полица (Попово поле). Учился в школе при монастыре Житомирчич. В 1863 г. был отправлен в Россию консулом В.В. Безобразовым. В 1867 г. получил стипендию от российского правительства для обучения во 2-й киевской гимназии. Позже учился на историко-филологическом факультете Киевского университета, затем переехал в Петербург. После 1869 г. обучался в Московском университете. С 1872 по 1875 г. работал учителем в мостарской школе. Принимал участие в герцеговинском восстании, сотрудничал с русским Красным Крестом и Славянским комитетом. В 1878 г. Лепава был помощником представителя Петербургского славянского комитета среди герцеговинских беженцев в Черногории А.В. Васильева. В 1881 г. переехал в Черногорию, где активно работал на поприще просвещения. Преподавал русский язык. Написал несколько учебников. Лепава был преподавателем (1889–1903 гг.; 1905–1908 гг.) и директором (1890–1902 гг.) гимназии в Цетинье, возглавлял семинарию (1903–1905 гг.), преподавал в Женском черногорском институте имени императрицы Марии Александровны. Работал в министерстве просвещения и церковных дел Черногории. В 1908 г. вышел на пенсию и переехал с семьей в Белград. Подробнее см.: *Јово Љепава (1850–1916) // Мартиновић Д.Ј.* Портрети (био-библиографски преглед). Цетинье, 1983. С. 143–146.; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 81–82; 282, 342–343; Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. С. 404–411; *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 511–518.

<sup>56</sup> Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского... С. 129.

<sup>57</sup> ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 54, 56.

<sup>58</sup> ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 4331. Л. 1–2.

<sup>59</sup> Там же.

<sup>60</sup> Там же.

<sup>61</sup> Сава Груич (1840–1913) — сербский военный и государственный деятель. С 1877 г. — военный министр, с 1879 г. — генеральный консул в Болгарии, с 1882 г. — посланник в Афинах. В 1887 г. был произведен в полные генералы и назначен посланником в Санкт-Петербург, позже снова стал военным министром

и главой сербского правительства. В 1891 г. был назначен председателем Государственного совета, с 1892 г. — посол в Константинополе, с 1893 г. — председатель правительства и военный министр, с 1897 г. — посол в Санкт-Петербурге. В 1899 г. отставлен от должности и привлечён к суду за подозрение в организации покушения на жизнь сербского короля Милана. В 1900 г. был реабилитирован.

<sup>62</sup> Дмитрий Джурич (1838–1893) — окончил белградскую артиллерийскую школу, в 1862 г. был командирован в Пруссию, в 1864 г. перешел на русскую службу. В 1865–1867 гг. обучался в Николаевской академии Генерального штаба в Санкт-Петербурге. С 1881 г. — начальник отделения Главного Генерального штаба Сербии. В 1889–1890 гг., 1892 г. — военный министр Королевства Сербия.

<sup>63</sup> *Игњатовић Ђ.* Светозар Марковић и «српска општина» у Петрограду // *Историјски часопис.* Књ. XXII. Београд, 1975. С. 112–147.

<sup>64</sup> Там же. С. 114.

<sup>65</sup> ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 4331. Л. 1–2.

<sup>66</sup> *Карасёв В. Г.* Сербский демократ Живоин Жувич. Публицистическая деятельность в России в 60-х годах XIX в. М., 1974. С. 62.

<sup>67</sup> Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 157.

<sup>68</sup> Там же. С. 157.

<sup>69</sup> ОР РГБ. Ф. 231/IV. Картон 2. Ед. хр. 86.

<sup>70</sup> *Карасёв В. Г.* К вопросу о первых боснийско-герцеговинских социалистах // *Међународни научни скуп: проблеми историје Босне и Херцеговине 1850–1875.* Сарајево, 1987. С. 85–88.

<sup>71</sup> Югословени и Русија. Документи из архива М.Ф. Рајевског. 40–80 године XIX века. Т. 2. Књ. 1. Београд, 1989. С. 228.

<sup>72</sup> ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 102–102 об.

<sup>73</sup> Там же. Ед. хр. 70. Л. 56.

<sup>74</sup> АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. Д. 12911. Л. 1–1 об.; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 282.

<sup>75</sup> Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 282.

<sup>76</sup> Югословени и Русија. Документи из архива М.Ф. Рајевског... С. 228.

<sup>77</sup> ОР РГБ. Ф. 239. Картон 13. Ед. хр. 45. Л. 1–1 об.

<sup>78</sup> Уједињена омладина српска и њено доба. Грађа из совјетских архива. Нови-Сад, 1977. С. 293.

<sup>79</sup> Там же.

<sup>80</sup> Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 282.

<sup>81</sup> АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2058. Л. 88–90.

<sup>82</sup> АВПРИ. Ф. 161. Главный архив. 1873. Д. 629. Л. 24–25; Уједињена омладина српска и њено доба. С. 306–308.

<sup>83</sup> Уједињена омладина српска и њено доба. С. 276–277.

<sup>84</sup> Москва–Сербия. Белград–Россия: Сборник документов и материалов. Т. 2: Общественно-политические связи 1804–1878 гг. Москва–Белград, 2011. С. 267; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 343.

<sup>85</sup> Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. С. 319–320.

<sup>86</sup> *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 480.

<sup>87</sup> Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. С. 321.

- <sup>88</sup> Голицын (Муравлин) Д. У синя моря. Путевые очерки Черногории и Далматинского побережья. СПб., 1896.
- <sup>89</sup> Подробнее о В. Пелагиче см.: Очак И.Д., Поплыко Д.Ф. Новые данные о связях сербского революционера В. Пелагича с Россией во второй половине 60-х годов XIX в. // Славянский архив. М., 1961.; Поплыко Д.Ф. Васа Пелагич и Россия. Из истории сербской революционной мысли. М., 1983; Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М., 2011. С. 165–170.
- <sup>90</sup> Поплыко Д.Ф. Васа Пелагич и Россия... С. 20.
- <sup>91</sup> Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. С. 165.
- <sup>92</sup> По некоторым сведениям, Пелагич также учился в Киевской духовной академии // См.: Пилиповић Р. Српски богослови на школовању у Русији у другој половини 19. века — према оцени руског царског дипломате // Годишњак за друштвену историју 2. Београд, 2012. С. 89–90.
- <sup>93</sup> Поплыко Д.Ф. Васа Пелагич и Россия... С. 25–26.
- <sup>94</sup> Там же. С. 31–32.
- <sup>95</sup> ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 124 об.
- <sup>96</sup> ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 64 об.
- <sup>97</sup> ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 5–6.
- <sup>98</sup> ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 125.
- <sup>99</sup> ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 86.
- <sup>100</sup> ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 6 об.; Југословени и Русија. Документи из архива М.Ф. Рајевског. С. 312–313.
- <sup>101</sup> ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 12. Л. 10 об.
- <sup>102</sup> ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 125 об.
- <sup>103</sup> ОР РГБ. Ф. 239. Картон 13. Ед. хр. 44. Л. 14.
- <sup>104</sup> Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. С. 176.